

Охотники на мамонтов

Автор:

Сергей Покровский

Охотники на мамонтов

Сергей Викторович Покровский

Первые люди

В книге представлены две захватывающие повести, рассказывающие о далёких временах – о каменном веке, когда люди жили родовыми общинами, берегли огонь, занимались собирательством, рыбалкой и охотой... Если охотникам повезёт и в ловушку попадёт огромный мамонт, то взрослые и дети племени устроят вечером весёлый пир. Если добычи не будет, тогда всему роду придётся плохо, с родной земли сгонят враги, да еще колдун наведёт какую-нибудь беду... Но охотники молоды, сильны, их тянет в путь к холодным ледникам, где они смогут набраться сил для победы над злобным Куолу, к далёким озёрам, где отважные юноши найдут себе красивых невест. Но вот сумеют ли они выполнить задуманное и защитить своих любимых? Об этом узнаете, открыв книгу.

Для широкого круга читателей.

Сергей Викторович Покровский

Охотники на мамонтов

© Издательство «Руда», 2019

© С. В. Покровский, наследники, 2019

© С. А. Григорьев, иллюстрации, 2019

© Н. В. Мельгунова, художественное оформление, 2019

Охотники на мамонтов

Следы лесных великанов

Шевельнулись ветки кустов. Лохматая голова показалась, спряталась и опять показалась в просвете.

Человек это или зверь?

Об этом не сразу можно было догадаться.

Рыжая львиная грива спускалась с этой головы и падала по плечам. На груди она сливалась с огромной бородой и совершенно скрывала шею. Из-под низкого лба остро глядели узкие щели-глаза. А над ними мохнатой щёткой нависали брови.

И всё-таки это был человек.

Когда он раздвинул гущу ветвей на краю берегового обрыва, можно было разглядеть его сутулую, коренастую фигуру. На нём было надето что-то вроде короткого мехового мешка, подпоясанного лыком. В прорезы высывались жилистые руки, обмотанные широкими меховыми браслетами.

Левая рука сжимала копье с каменным наконечником. Человек втягивал носом воздух, подставляя под ветер широкие ноздри.

Потом он вылез из кустов, сделал несколько шагов вдоль края обрыва и нагнулся.

Здесь трава и кусты орешника были поломаны и помяты.

Рыжий стал на колени, опёрся ладонями о землю, пригнул лицо к притоптанной траве и принялся нюхать её.

Он нашёл след какой-то огромной ступни:

– Хумма, хумма, хумма!

Он трижды прошептал это странное слово, поднялся и поманил кого-то к себе волосатой рукой. Потом приложил к носу указательный палец и сделал рукой плавный жест, как будто закручивал в воздухе невидимую спираль. Затем высоко поднял ладонь и два раза помахал ею.

Кому делал он эти знаки?

Не прошло и четверти минуты, как из чащи показались ещё два человека.

По наружности они резко отличались от первого. Оба были много выше. Они были молоды и стройны.

На их лицах не было ни усов, ни бороды. Прямые чёрные волосы, перевязанные на макушке, торчали пучком. В середину такого пучка было воткнуто перо, а у пояса сзади болталось по лисьему хвосту. Горбатые тонкие носы, широко раскрытые глаза и соболиные брови придавали им смелый и воинственный вид.

Рыжий ещё раз прошептал: «Хумма!» – и показал рукой на север. Молодые ответили ему выразительными движениями: они радостно подпрыгнули на месте и взмахнули копьями.

Все трое выбрались на край речного обрыва. Внизу перед ними расстилалась долина Большой реки. На другой стороне зеленела мокрая пойма. На заливных лугах блестели узенькие озера и лужи: их оставило здесь половодье. Люди осмотрелись и стали спускаться вниз, цепляясь руками за длинные корни деревьев. Ниже обрыва начиналась пологая и мягкая осыпь; по ней тянулись звериные тропы. Одна, самая нижняя, была и самой широкой. На ней среди давних оленьих следов виднелись огромные свежие следы какого-то гигантского зверя.

– Хумма! Хумма! – радостно шептали охотники.

– Хо, хо! Волчья Ноздря! – выкрикивал, смеясь, самый младший из них – Ао.

Это был горячий восторг перед необыкновенным чутьём охотника.

Волчья Ноздря опустился на колени и стал обнюхивать след огромной ступни:

– Хумма прошёл, когда солнце проснулось и роса высохла.

Рыжий разбирал следы, как грамотей читает книгу. Он внимательно взгляделся в них и прибавил:

– Прошла молодая самка, а тут старая. Здесь детёныш и ещё детёныш.

Ао так же пристально изучал следы на краю берега и вдруг хлопнул себя ладонью по коленке:

– По воде шли! Много... много...

Волчья Ноздря засмеялся. Глаза его совсем спрятались в морщинках. Рот растянулся почти до ушей.

Третий охотник, Улла, стал искать что-то в глубине мешочка, сшитого из беличьих шкур. Он вытащил оттуда белый предмет длиной в ладонь. Это была женская статуэтка, вырезанная из мамонтовой кости. Статуэтка была сделана очень искусно. Она изображала пожилую женщину с тонкими, прижатыми к груди руками. Голова её была опущена. На голове можно было различить что-то

вроде шапочки, покрывающей причёску. Или, быть может, это были изображены завернутые венцом косы.

Лица охотников стали сразу же серьёзными. Волчья Ноздря посмотрел кругом и выбрал место, где отвесная стена обрыва ближе всего подступала к реке. Со статуэткой в руках он направился туда.

Снизу белели известковые пласты, почти закрытые рыхлой осыпью. Над ними лежала толща плотной глины.

Взобравшись на мягкую площадку осыпи, Волчья Ноздря прежде всего наскрёб руками кучу земли и воткнул в неё до колен белую статуэтку.

Ао подошёл к обрыву и уверенными взмахами копыя начертил на гладком откосе очертания зверя. Это был горбатый мамонт на толстых ногах. Он был покрыт прядями длинных волос и высоко поднимал концы могучих клыков. Фигура мамонта была сделана немногими скупыми линиями, но так искусно, что с первого взгляда можно было узнать, кого изображает рисунок. Это искусство настоящего художника, у которого был глаз охотника, привыкшего подмечать все особенности и повадки зверя.

Едва только Ао закончил рисунок, как все трое быстро отпрянули прочь. Глаза их были широко открыты; челюсти плотно стиснуты; пальцы судорожно, с силой сжимали короткие копыя; мускулы ног и всего тела натянуты, как струны.

Они медленно пятились назад, чтобы быть подальше от обрыва: там перед ними стоял хумма – живой, мохнатый, страшный.

Охотники опустились на колени: Ао и Улла – по бокам, Волчья Ноздря – посередине, позади статуэтки. Здесь они были в полной безопасности: их охраняла колдовская власть Матери матерей, покровительницы их посёлка, могучей заклинательницы вражеских сил и невидимой спутницы во всех их опасных охотах.

Все трое воткнули в землю остриём вверх свои копыя и ничком припали к земле; потом вскочили на ноги и затянули протяжную песню. Под монотонный мотив начался охотничий танец. Они ходили вокруг копий друг за другом, сгибая через каждые три шага то одно, то другое колено.

И песня и танец не были для них развлечением. Это было заклинание. Заклинание должно было принести им, как они думали, охотничье счастье. Слов в песне было немного. Говорились они как бы от имени статуэтки, от имени самой Ло – Матери матерей рода Красных Лисиц:

Я Ло, Мать матерей рода Красных Лисиц!

Я заклинаю горбатого хумму.

Заклинаю его бивни, и уши, и все четыре ноги:

Хумма, хумма, пей воду!

Хумма, хумма, иди в гору!

Хумма, хумма, падай в яму!

Хумма, отдай нам твоё мясо!

Отдай нам твои бивни и твои кости!

Заклинает тебя Ло, Мать матерей рода Красных Лисиц.

Охотники хлопнули в ладоши и схватились за копья. Хумма стоял перед ними живой, косматый и поднимал к небу свой ужасный хобот. Но теперь он был уже им не страшен. Мать матерей укротила его. Она околдовала его своими чарами. Она связала его силу. Теперь он не мог сделать ни шагу от той стены, на которой был нарисован. Охотники набрали горсти песка и стали с силой бросать в чудовище. Они метили в то место, где Ао изобразил глаза – оба на одной стороне.

Зачем они делали это?

Нужно было ослепить хумму, чтобы он не мог видеть охотников.

После этого Ао подкрался к хумме и быстро обвёл тупым концом копья черту вокруг ослеплённого зверя. Круговая черта означала ловушку или, может быть, колдовскую силу, которая смыкается вокруг зверя. Как только круг замкнулся, охотники опять запели своё заклинание. Они долго-долго кружились, приседали и подпрыгивали.

Наконец заклинательный танец кончился. Охотники поочерёдно вонзали копья в побеждённого хумму. Одно из них пробило глаз, другое – сердце, третье – живот. Этим всё колдовство завершилось. Оно отдавало хумму в полную власть охотников. Они верили, что теперь хумме от них не уйти. Кто может отнять у них ту добычу, которую уже опутало их заклинание? Разве только какое-нибудь чужое, ещё более сильное слово станет на их пути и разрушит волшебную власть Матери матерей.

Преследование

Самое важное для успеха было сделано. Теперь можно было идти дальше. Но раньше охотники сели отдохнуть. Песни, пляски и заклинания их утомили. Пот градом катился по их лицам. Сердце билось, руки и ноги тряслись. Они только что пережили такие чувства, как будто и в самом деле выдержали борьбу с чудовищем и одолели его. Все трое тяжело дышали и отирали ладонями мокрые лбы. Потом они вынули из-за пазухи запасы пищи и стали есть. Это были большие куски мяса молодой сайги.

Каждый держал большой кусок мяса в левой руке, а в правой – тонкую кремнёвую пластинку с острым, режущим краем; они вцеплялись крепкими зубами в край мяса, а потом кремнёвым лезвием отрезали кусочек перед самыми зубами.

Иногда им удавалось сразу отгрызть кусок, чаще же они довольно долго перепиливали волокна мускулов и сухожилий своими осколками кремня. Ели много. Нужно было утолить голод, успокоиться и собраться с силами, чтобы продолжать путь в поисках добычи.

Тропа мамонтов привела их к самой реке. Вдруг Волчья Ноздря остановился. Против устья оврага протянулась песчаная отмель. Вся она была покрыта свежими следами целого стада мамонтов. Здесь хуммы пили, купались, обливали друг друга водой, посыпали себе спины песком, а мамонтихи кормили тяжеловесных и неуклюжих мамонтят. Там и сям по отмели раскиданы были кучи помета.

– Хуммы пили воду, – сказал Ао и хлопнул по плечу Волчью Ноздю.

Ноздря засмеялся. Он вспомнил слова заклинания:

Хумма, хумма, пей воду!

Хумма, хумма, иди в гору!

Свежие следы вели к оврагу, и скоро тропа со следами животных пошла наискось вверх, на правый берег оврага.

Ноздря опять засмеялся.

– Хумма, хумма, иди в гору! – бормотал он.

На высоком берегу оврага стеной стоял осиновый лес. Мамонты проложили тропу по самому краю обрыва. Тропа была вытоптана крепко. Видно, стадо было большое и звери уже не раз спускались здесь на водопой.

Охотники шли гуськом, друг за другом, пока чаща не стала светлеть. Перед ними открылась выжженная широкая поляна, покрытая низким кустарником. Кое-где на ней торчали чёрные стволы горелого леса.

Несколько лет тому назад в жаркую погоду разыгралась гроза. Молния ударила в сухую ель. Дерево вспыхнуло, как свеча; от него загорелись кучи валежника. Ветер раздул лесной пожар. Выгорел большой участок. Среди чёрных пней выросли высокие травы и ягодные кустарники. Летом густыми чащами поднимались целые полчища алых кипреев и густо кустилась земляника.

Охотники успели сделать только несколько шагов, как из-за кустов показалось стадо мамонтов. Здесь были и старые и молодые. Совсем маленькие – приплод этого лета – жались к волосатым животам матерей. Хуммы мирно паслись под охраной огромных самцов. Они угрюмо стояли по краям, как коричнево-бурые холмы, медленно шевеля мохнатыми ушами. Огромные хоботы их качались, как маятники гигантских часов.

Толстые самки держались в середине со своими мамонтьятами-сосунками и заботливо подзывали их, когда те пробовали отойти в сторону. Матери попискивали при этом тоненькими, скрипучими голосами, похожими на слабый

пороссячий визг. И странно было слышать, что такие звуки исходили от этих колоссальных и неповоротливых животных. На обильных летних кормах мамонты сильно жирели, спинные горбы их превращались в мешки, туго набитые салом. Теперь же горбы не были так высоки, как осенью.

Охотники жадно смотрели на мохнатых великанов. У Волчьей Ноздри глаза сверкали, как у голодного волка. Он облизывался и часто глотал набегавшую слюну.

Вдоволь насмотревшись, он толкнул тихонько локтем сначала одного, потом другого соседа и знаками показал, чтобы они шли за ним. Осторожно, низко пригибаясь, они почти доползли до края оврага и спустились вниз, к реке.

Охотники решили гнать мамонтов к селению Красных Лисиц, где для них давно приготовлена ловушка – ямы.

Погнать мамонтов! Три человека, одетые в меховые мешки, говорили об этом так просто, как будто это было стадо косуль.

Большерогие олени в ужасе шарахались в чащу, когда на лесной тропе показывалась гигантская фигура вожака мамонтов. Могучие зубры уступали им дорогу. Огромный серый пещерный и бурый лесной медведи не решались вступить в бой со взрослым мамонтом. Даже свирепый северный носорог, при всей злобности своего характера, предпочитал не встречаться с чудовищными бивнями хуммов.

Откуда же эта непомерная дерзость? Неужели эти голые двуногие, которые выучились таскать с собой палки с каменными наконечниками, сильнее медведей, зубров и злобных шерстистых носорогов?

Охотники направились вверх по оврагу, чтобы оттуда пробраться в тыл мохнатому стаду. Но прежде чем начать действовать, нужно было призвать на помощь силу Матери матерей. Правда, заклинание покровительницы племени уже произнесено, но сейчас предстояло выполнить самую трудную задачу: надо было заставить мамонтов идти туда, куда было нужно.

Белую статуэтку снова вытащили из беличьего мешка. Все три охотника тихо шептали ей в уши ласковые слова и деловито рассказывали все обстоятельства

охоты. Времени терять нельзя: нужно было только объяснить поскорее, куда должна быть направлена неодолимая сила заклинания. Пошептав, охотники вскочили на ноги. Ао взял в руки статуэтку, быстро поднялся по крутому склону и осторожно высунул голову из-за края оврага.

Хуммы по-прежнему мирно паслись среди кустов на том же месте. Ао поднял белую фигурку Матери матерей. Она должна была сама хорошенько осмотреть и стадо и поляну, чтобы не вышло ошибки.

Через несколько мгновений Ао сбежал вниз. Надо было спешить. Дел впереди ещё много. Охотники быстро зашагали в обход спокойно пасущихся мамонтов.

Чего боялись хуммы

Солнце уже спускалось, тени от кустов и деревьев росли.

Мамонты всё ещё продолжали неторопливо набивать пищей свои необъятные желудки. Лесная поляна, богатая кормами, была для них настоящим раздольем. Густая трава, пестреющая весенними цветами, сочные лозы ивняка и жимолости, вяжущие язык, ветки молодых осинки и берёз – всё это было для них лакомым блюдом. Взрослые хуммы держались ближе к опушке, и можно было видеть, как они с треском ломали древесные сучья. Их чудовищные коренные зубы, тяжёлые, как жернова, растирали не только траву и листья, но и крепкую кору и древесину. Мамонты так были заняты едой, что, казалось, ни на что не обращали внимания. Вдруг один из вожаков тревожно насторожил уши. Как два огромных кожаных лоскута, они поднялись и оттопырились по сторонам головы. Хобот вытянулся вперёд, хумма шумно вдохнул в себя свежую струю холодеющего воздуха.

С запада тянул ветерок. Вместе с ним доносился ни с чем не сравнимый запах, который наводил страх даже на сильнейшего из зверей. Это был едкий, горьковатый запах лесного дыма. К нему примешивался тот особенный дух двуногих существ, которого боятся и звери и птицы.

Маленькие глаза хуммы беспокойно осматривали край поляны, и вот голубоватая струйка дыма зазмеилась с той стороны, откуда восходит солнце. Ветер доносил потрескивание сухих ветвей, душистый запах горящего можжевельника и еловой смолы.

Вожак поднял хобот и протрубил сигнал тревоги. Всё стадо разом зашевелилось. Головы гигантов повернулись к востоку, и мамонтихи беспокойным визгом начали подзывать рассыпавшихся по кустам детёнышей.

На несколько мгновений взрослые мамонты застыли в немом ожидании. В это самое время от опушки леса отделились три странные фигуры, не похожие ни на одного из жителей леса. Они были густо обвязаны сухими ветками ёлок. Каждая из них держала в руках по огромному пылающему, как факел, смолистому суку.

Странные существа размахивали огнём и медленно приближались к стаду.

Все горбатые самцы подняли свои огромные хоботы, и отрывистые звуки раздались на лесной поляне. Мамонтихи первые начали отступление. Мамонтята рысью затрусил за ними. Сзади замыкали шествие, тяжело ступая, самцы, растопыбив, как крылья, необъятные уши. Самый старый и самый крупный из них всё ещё стоял на месте и глядел на приближающуюся опасность. Хобот его был грозно поднят к небу, а белые бивни, как толстые кривые стволы, торчали вперёд. Они загибались в стороны и назад, как белые края гигантской лиры. Он стоял один и был похож на тёмное бронзовое изваяние. Казалось, он готовился встретить таинственных врагов и уничтожить их. Вид его был страшен. Но люди продолжали наступать. В другое время мохнатая фигура чудовища испугала бы их. Но сейчас они чувствовали за собой непобедимую силу, которая всё покоряет на своём пути. Мамонты боялись огня, но наивные люди думали, что силу им придало заклинание Матери матерей.

Ао шёл впереди. От его факела брызгами разлетались искры. И клубы едкого дыма доносились до ноздрей старого вожака хуммов.

В это время до ушей мамонта долетел призывный зов самок. Великан тяжело повернулся и стал догонять удаляющееся стадо. Он шёл не спеша, но огромные шаги его были так широки, что человеку пришлось бы бежать, чтобы не отставать.

Мамонты пересекли поляну. Кусты трещали под их тяжестью. Охотники почти бежали, однако на порядочном расстоянии – близко подходить было опасно.

Хуммы возвращались той же тропой, какой пришли сюда. Самцы иногда останавливались и оглядывались на преследователей. Охотники продолжали размахивать дымящимися ветвями и двигались вслед за ними.

Мамонты дошли до берегового обрыва. Здесь мамонтовая тропа разделялась: одна шла вдоль обрыва на юг, другая – на север.

На минуту мамонтихи задержались. Они оглядывались на отставших мамонтов, как будто приглашая их поскорее следовать за собой.

Когда самцы стали подходить, огромная мамонтиха, самая старая и большая во всём стаде, повернула на северную тропинку, и остальные послушно двинулись вслед за ней.

Охотники очень удивились, когда увидели, что стадо повернуло на север. Как же так: ведь они просили свою Ло, чтобы она помогла подогнать стадо к селению Красных Лисиц, а Красные Лисицы жили к югу, а не к северу от поляны хуммов. Неужели заклинаний было недостаточно?

Они поделились сомнениями с Волчьей Ноздрей.

– Не бойтесь, – сказал Ноздря, – они ищут другого спуска. Этот слишком крутой. По нему хуммам трудно спускаться.

Охотники успокоились.

Между тем хуммы продолжали шагать всё дальше и дальше. Эта тропа была и в самом деле более широкой, идти по ней было просторнее.

Мамонтихи шагали осторожно и, почти не переставая, взвизгивали, подзывая детёнышей, которые по-ребячьи легкомысленно отбивались то влево, то вправо. Им нравилось забираться в кусты и ломать свежие ветки. Иногда они принимались гоняться друг за другом, обгоняя передовых, ломаясь через кусты.

Шалунам нравилось также, разбежавшись, неожиданно ткнуть лбом идущего впереди прямо в хвост и заставить пуститься резвее вперёд, чтобы избежать повторного удара. Один из забияк проделал такую рискованную шалость даже у самого края обрыва.

Получивший удар метнулся в сторону, и вдруг земля поехала под его ногами, комки и камни запрыгали вниз, кружась в облаке пыли. Бедный мамонтёнок сорвался с кручи и покатился вместе с оползнем и глиной с головокружительной высоты прямо на прибрежные валуны.

Это случилось так быстро, что никто из взрослых хуммов не понял, что именно тут произошло, тем более что высокая заросль жимолости не давала возможности ясно видеть обоих шалунов в густой зелени кустарников.

Стадо продолжало шагать дальше. Шаги хуммов как будто ускорились. Казалось, они решили отделаться во что бы то ни стало от своих надоедливых преследователей, продолжавших пугать их огнём и дымом.

Наконец они подошли к тому месту, где начинались большой береговой оползень и осыпь, которые образовались здесь, как видно, очень давно, судя по тому, что обваленные части берега заросли не только густой травой, но и молодыми осинками и кустарниками. Тропа мамонтов спускалась здесь наискось и более полого.

Один за другим животные шли к спуску, притаптывая подростную траву и обламывая по пути зелёные ветки осинки. Охотники внимательно следили за ними сверху, спрятавшись в зелёной чаще, нависшей над береговым обрывом.

Мамонтов было много. Их длинная вереница отлично была видна с высокого берега. Всех хуммов было бы легко сосчитать. Беда только в том, что охотники считали очень плохо и могли только сказать, что пальцев на руках и на ногах далеко не хватает, чтобы пересчитать всех мамонтих, мамонтят и самцов.

С радостью заметили они, что, как только стадо спустилось на верхнюю береговую террасу, звериная тропа повернула на юг и хуммы по ней двинулись как раз в ту сторону, куда было нужно.

Вздых облегчения вырвался у всех троих, когда они убедились, что заклинание не обмануло их и длинное шествие хуммов направилось в сторону посёлка Красных Лисиц.

О добрая старая Ло, славная покровительница рода! Твоё колдовство не обмануло. Твоя волшебная фигурка из мамонтовой кости недаром была взята охотниками из рук самой родоначальницы. Ведь это самый верный залог их охотничьего успеха.

Куда пошли хуммы

Мамонты и люди жили в одной стране многие тысячи лет. Когда люди научились охотиться сообща, они стали побеждать самых крупных зверей. Волки, медведи, пещерные гиены с их страшными зубами отступали перед натиском людей с их каменными орудиями.

Мамонты долгое время были непобедимы, но и они в конце концов сделались предметом охоты. Люди научились добывать огонь. Они зажигали сухую траву в конце лета, устраивали лесные пожары, которые ужасали всех зверей и даже мамонтов. Люди научились подстергать и отгонять от стада новорождённых мамонят, чтобы потом захватывать их. Они выучились делать ловушки и загоны, куда попадали и взрослые хуммы.

Вот почему большое стадо мамонтов, несмотря на свою силу, не стало дожидаться нападения этих пахнущих дымом двуногих и предпочло уклониться от неприятной встречи. Пройдя несколько десятков шагов по верхней террасе, оно нашло пологий спуск и стало медленно спускаться вниз, к самой воде, на влажную полоску прибрежного сырого песка и отшлифованных камешков.

Ао, Улла и Волчья Ноздря спустились по мамонтовой тропе вслед за стадом к берегу Большой реки. Они торжествовали. Волшебная сила Матери матерей,

казалось, продолжала действовать неодолимо. Они твёрдо верили, что им удастся загнать мамонтов в окрестности селения Красных Лисиц.

А тогда...

Вдруг Улла громко ахнул и протянул руки вперёд. Отсюда можно было хорошо видеть, как передовая мамонтиха повернула не к югу, а к северу. Хуммы собирались идти не к посёлку Красных Лисиц, а совсем в другую сторону.

Что же это значит? Где же помощь Матери матерей? Где её могущество? Как остановить их? Как заставить повернуть обратно?

Ао торопливо выхватил из мешка и поднял над головой волшебную статуэтку. Волчья Ноздря зашептал заклинательные слова. Все трое начали кружиться вокруг Матери матерей.

Но ничто не помогало. Хуммы упрямо шли своей дорогой. Ни один из них не послушался заклинаний.

Охотники с недоумением смотрели друг на друга и на костяную фигурку. Куда же девалась её сила?

Вдруг Улла схватил Волчью Ноздю за плечо.

- Гляди! - зашептал он со страхом и показал на лесные верхушки деревьев.

Осины качались и трепетали листьями. Слабый ветерок, который так недавно гнал дым от костра на мамонтов, теперь сменился другим. Вместо него по лесу шумел северяк, от которого шатались древесные стволы.

- Пущено по ветру, - многозначительно шепнул Улла и тревожно огляделся вокруг.

Волчья Ноздря переменялся в лице, а всегда смелый Ао побледнел; руки у него дрожали.

- Пущено по ветру! - повторил он, как эхо.

– По ветру! По ветру! – зашептал и Волчья Ноздря, и было видно, как волосы на его голове стали топорщиться. Так встаёт шерсть на загривке у волка, когда он чувствует опасность.

Все трое стали пристально вглядываться в кусты. Ветки их подозрительно качались. Не понимая причин перемены ветра, они решили, что кто-то более сильный в этих местах стал у них на дороге. Это он уничтожил силу заклятия, которое помогало им до сих пор. Чья-то чужая колдовская власть вмешалась в их охоту и повернула всё по-своему. Хотя бы один из хуммов пошёл к посёлку Красных Лисиц!

– Это Куолу! – сказал Волчья Ноздря.

В тревоге охотники спустились к самой воде. Здесь против устья оврага находилась та самая длинная отмель, которую топтали мамонты. Долина реки уходила прямо на север. Там, где-то далеко, по рассказам стариков, скрывалось озеро. Из него рождалось начало Большой реки, а ещё дальше лежал Великий лёд. Оттуда неслись холодные ветры и приползали туманы.

Охотникам было видно, как вереница тёмно-коричневых мамонтов тянулась гуськом у самой воды по мягкой песчаной береговой полосе. Над береговой террасой поднимались почти отвесные обрывы высокого, правого берега, поросшего лиственным лесом. Люди стояли в растерянности. Теперь они не старались догнать зверей, но и упускать их из виду им тоже не хотелось.

Расстояние между ними увеличивалось, хотя стадо было ещё хорошо видно.

Ао оглянулся и зашептал:

– Смотрите, смотрите!..

Он указывал пальцем на береговую кручу, под которой они стояли. Там в густом буреломе свалившихся с вершины берегового карниза сухих деревьев шевелилось что-то тёмное. Скоро острые глаза охотников рассмотрели фигуру молоденького хуммы, застрявшего головой среди толстых стволов. Он угодил туда, когда упал вниз с высокого берега. Это был тот самый мамонтёнок, который так неосторожно расшалился, когда стадо хуммов проходило по краю

обрыва.

Мамонтёнок упал головой в грудь бурелома и переломил себе спинной хребет. Он ещё двигал ушами и хоботом, но это были уже последние, предсмертные движения.

Быстрыми прыжками охотники добрались до мамонтёнка, перелезая со ствола на ствол и расчищая себе дорогу среди чащи засохших, изуродованных ветвей.

Один бок маленького хуммы был сильно ободран, и обломок сучка глубоко вонзился ему между рёбрами.

Оглушив мамонтёнка крепкими ударами по голове камнем с острыми краями, Ноздря принялся остриём своего копья расширять его рану.

Из раны тонкой струйкой побежала тёмная кровь. Ноздря подставил сделанную из бересты черпалку и набрал тёплой мамонтовой крови. Выпил до дна, не отрываясь, и передал черпалку Улле. Молодые охотники последовали примеру Ноздри.

По поверью, жизнь молодого хуммы вошла в них вместе с кровью. Теперь они все трое вооружились кремнёвыми ножами и собирались уже вырезать себе по куску ещё тёплого мяса, как вдруг чей-то сердитый окрик заставил их содрогнуться.

Высоко над собой, на самом краю обрыва, они увидели дородную фигуру полуголого человека. Одна только волчья шкура охватывала его стан. Длинные волосы прядями рассыпались по плечам.

Волосатый человек махал сучковатой дубиной.

– Наши хуммы! – кричал он, размахивая руками. – Наши хуммы! Чужое мясо! Плохо гоняться за чужой едой!

Волосатый орал и визжал изо всех сил и яростно грозил дубиной.

– Это Куолу. Это он пустил ветер на хуммов, – зашептал испуганно Волчья Ноздря.

Охотники отпрянули прочь и быстро сбежали вниз, на песчаную террасу. Зубы у них стучали от страха. Куолу нагнулся, поднял с земли камень и швырнул с высоты в охотников. Волчья Ноздря бросился ничком на песок и обеими ладонями закрыл голову. Ао и Улла сделали то же. Так лежали они неподвижно, откинув в сторону оружие и уткнувшись лицом в землю.

Куолу ещё продолжал кричать. Он швырял камнями, грозил, что не даст им изловить ни одного зверя, что испортит им всякую охоту.

Охотники отошли в сторону и знаками показывали рассерженному Куолу, что отказываются от своей неожиданной добычи.

– Смотрите, смотрите! Не видать вам больше хуммов, ни старых, ни молодых...

Он выразительно махал руками в ту сторону, куда уходили хуммы, и злорадно смеялся, показывая на север. Охотники оглянулись, и теперь им стало ясно, чему смеялся Куолу. Мамонты уже вошли в воду и начали переходить реку. На той стороне развернулась обширная пойма. Река в этом месте была широка, но мелка. Вода мамонтяткам доходила только до брюха. Они смело шагали за матерями, и всё стадо спокойно переходило вброд. По временам хуммы останавливались, чтобы попить в своё удовольствие и побрызгать из хоботов на спины себе или другим. Напившись и пополоскавшись, стадо начало вылезать на противоположный берег. Охотники следили, как хуммы ленивой походкой удалялись в глубь заливных лугов. Они осторожно пробирались между озёрами и топкими болотцами, покрытыми зелёной осокой.

За широким простором лугов, далеко на севере, виднелась узкая полоска синего леса. Хуммы тянулись туда. С каждым шагом их тёмные туши становились всё меньше и меньше, пока из огромных животных они не превратились в вереницу ползущих букашек.

Куолу надоело смотреть на удаляющееся стадо. Он перестал смеяться, нагнулся и опять швырнул камень.

– Сердитый, – сказал Улла и робко поглядел на Куолу.

– Лучше пойдём домой, – сказал Ао. – Ничего нет.

– Матерям есть надо. Старикам, детям кто принесёт еду?

– Матери матерей надо еду, – прибавил Ноздря.

Надо было сговориться с Куолу, чтобы ещё больше не рассердить его. Если они пойдут запрещённой дорогой, он может испортить всякую другую охоту. Нельзя было и думать о доме, пока не будет поймана какая-нибудь крупная добыча. Охотники решили идти вперёд по новым местам, и притом против ветра. Звери чутки, и, если до них доносится запах человека, они прячутся и убегают.

Чтобы задобрить страшного Куолу, Улла приложил к губам рупором руки и закричал:

– Куолу! Куолу! Хуммы ушли, не надо нам хуммов. Бери себе мамонтёнка. Возьми добычу. Мы пойдём. Будет счастье – принесём жирный кусок и Куолу.

Куолу улыбнулся, молча махнул рукой, и охотники двинулись дальше.

Куолу

Почему же так страшен охотникам был Куолу? Откуда этот страх, это трусливое желание его задобрить?

Куолу стали бояться с тех пор, как он здесь поселился. Он был рода Вурров, то есть медведей. Становище находилось на расстоянии нескольких дней пути, на берегу притока Большой реки. Вурры жили в курных землянках, похожих на глубокие норы, на склонах речных берегов. В каждом становище ютился отдельный род. Основой рода были женщины-матери. Они были хозяйки землянок. Все они занимались колдовством. Они знали множество заговоров и заклинаний: от зубной боли, от разных болезней, от нападения зверей.

Во главе каждого рода стояла самая старшая, искусная и почтенная из колдуний. Она считалась самой могущественной из всех. Все другие получали колдовскую силу только от неё. Она считалась прабабушкой всего детского и

юного населения.

Женщины со своими детьми, подростками и девушками составляли полуоседлое население становища. Мужчины-охотники вели полубродячую жизнь. Они то появлялись, то вновь исчезали. По целым дням, иногда по неделям бродили они за добычей и при удаче приносили её для всех. Все матери считались сёстрами. Их дети, то есть все девушки и юноши, также считались братьями и сёстрами. Юноши уходили в соседние родственные становища и там искали себе невест. Они оставались надолго жить в посёлке своих жён, проводя там тёплое время года.

С наступлением холодов, а то и раньше возвращались они в становище матерей, чтобы охотиться и добывать пищу для родного посёлка. Жили они отдельно от незамужних сестёр и младших братьев, в особой большой землянке, куда имели доступ только охотники и старики.

Сурова была зима в долине Большой реки. Она была очень длинная и снежная. Метели и вьюги бушевали тут по целым месяцам. Глубокие сугробы нередко совсем погребали под собой землянки людей. Особенно много снега наносили западные ветры. Иной раз после сильных буранов жители с трудом прокладывали себе выход из своих засыпанных нор.

Но как ни долга была зимняя пора, весна, хоть и поздно, брала своё. Она разрушала белые бастионы зимы. На освобождённой от снега земле зацветали весенние цветы. Посёлки Большой реки встречали победу солнца песнями, плясками и хороводами. Бывало, правда, что жёны уходили с мужьями в посёлок их матерей и оставались в нём навсегда.

Случилось, что молодой Куолу стал мужем своей ровесницы Изы, девушки того же рода Вурров.

Они были детьми разных матерей, но, как члены одного рода, они, по понятиям Вурров, должны были называться братом и сестрой.

Их брак был нарушением обычаев и привычных понятий племени. В глазах родичей они совершили преступление, и притом непростительное.

Проступок этот сделал их отщепенцами в своём собственном посёлке. Никто не хотел жить с ними под одной крышей.

Охотники изгнали Куолу из мужского дома. Женщины не пускали Изу к себе. Куолу и Изе пришлось наскоро вырыть маленькую землянку на краю посёлка и отдельно добывать себе пищу.

Вскоре произошло событие, которое окончательно сделало невозможным совместную жизнь их со своими родичами.

В их посёлке особенно строго соблюдалось почитание Родового огня. Неуважение к нему каралось как величайшее из преступлений.

Родовой огонь горел в особой пещере, выкопанной в известковом обрыве. В пещеру имели право входить только Мать матерей племени да ещё четыре старухи, на которых лежала обязанность поддерживать пламя, подкладывая сучья и валежник.

Каждый вечер всё население посёлка приносило к пещере свежие вороха валежника и сухих сучьев. Четыре старухи перетаскивали их в пещеру, Мать матерей подкидывала сучья в костёр, а толпа молча сидела перед входом, зачарованная блеском огня. Если в посёлке гасли все домашние очаги, можно было взять от Родового огня горящую головню. Но сделать это могла лишь сама Мать матерей после усиленных просьб своих детей и внуков. С особыми церемониями и ворожкой выносила она горящую ветку и отдавала одной из старух, а та, в свою очередь, передавала её тем, кто почтительно дожидался у входа.

И вот один раз в летнем шалаше молодого Куолу погас костёр. Иза побежала за огнём к соседям. Но никто не давал ей огня, потому что она считалась теперь как бы чужой. Тогда она вошла потихоньку в пещеру Родового огня, в которой, как ей показалось, не было никого, и похитила горящее полено.

Но уже к вечеру об этом узнало всё становище. Все стали говорить о том, что Иза и Куолу похитили огонь из священной пещеры. Куолу и Иза упорно отрицали своё преступление. Но следопыты рода доказывали, что след маленьких женских ног ведёт от пещеры к летнему шалашу Изы и Куолу.

Мать матерей назначила на следующее утро суд над виновниками страшной, кощунственной кражи. Суд должен был начаться гаданием, которое откроет преступников. Виновных ожидало испытание огнём, и в случае их осуждения им грозила немедленная и мучительная смерть.

Своевольная пара знала, что её ожидает. Куолу и Иза в ту же ночь бежали из своей землянки, захватив с собой оружие и два мешка, набитых звериными шкурками. Они вырыли себе землянку на полпути между стойбищами одноплеменных с Медведями родов Красных и Чернобурых Лисиц. Долго и искусно они скрывались, потому что боялись жестокой расправы. Но родные выследили их. Лучшие охотники посёлка Медведей отправились, чтобы захватить их. Однако облава потерпела полную неудачу: найденная землянка оказалась пустой.

На другой день преследователи рассыпались широкой цепью и стали обыскивать соседний лес. Они уже напали на след беглецов. Гибель их казалась неизбежной, как вдруг огромный носорог неожиданно бросился на преследователей.

Двух из них он убил своим рогом, одного затоптал насмерть ногами. Остальные разбежались и вернулись домой, поражённые ужасом.

Охотники Вурры решили, что это Куолу превратился в носорога. Его стали бояться как огня. Его считали могущественным колдуном, который может сделать какое угодно зло. Всякую беду, всякую болезнь, смерть или неудачу приписывали колдовским чарам Куолу.

Если охота была неудачной и жители посёлка начинали голодать, снаряжалось посольство на поклон Куолу. Его задабривали подарками или обещаниями, просили не мешать охоте и после удачи лучший кусок относили к землянке колдуна. Куолу выгодно было поддерживать о себе страшные небылицы. При этом сам он начинал верить в свои рассказы и в свои колдовские способности.

И всякий раз, когда людям приходилось держать путь мимо землянки Куолу, они старались сделать это как-нибудь незаметно: обойти её стороной, проскользнуть ночью или на утренней заре.

Вот почему угрозы Куолу так напугали наших охотников. Какое облегчение почувствовали они, когда толстая фигура Куолу скрылась за выступом берега! Как хорошо, что его уже больше не видно и он не может послать им вслед враждебное заклинание!

Неожиданная встреча

Охотники под кручами лесных берегов осторожно пробирались на север.

Солнце уже начинало садиться. Тень от высокого берега перекинулась через реку. Надо было подумать о ночлеге. Все трое стали взбираться на высокий берег в том месте, где он был не так крут. Но только что они вступили в лес, как из кустов показалось с десяток вооружённых людей. Охотники приготовились защищаться, но услышали смех и весёлые голоса:

– Чернобурые Лисы не грызут Красных Лисиц!

Это была встреча соплеменников, друзей из стойбищ двух родов.

– Что видели хорошего?

– Всё хорошо!

– Что видели злого?

– Ничего не видели!

Охотники из рода Чернобурых Лисиц повели соседей к своему лагерю. Неподаляку от берега горел костёр. Около него тоже сидели люди. Двое из них поджаривали на вертеле бедро убитой косули. Более голодные лакомились сырой печёнкой и кусками парного мяса. Старшие разбивали камнями очищенные от сухожилий трубчатые кости, чтобы добраться до костного мозга.

Чернобурые стали угощать гостей. За едой обменивались новостями. Встреча с мамонтами всех заинтересовала. Сговаривались проследить их для совместной охоты.

– Нет! – сказал самый старший из Чернобурых. – Хуммы уйдут далеко. Пойдут к Великому льду. Хуммы знают: прилетит мошка Зиа-Зиа и будет забиваться в ноздри. Мошек боятся и хуммы. Теперь они худые, осенью будут жирные. Пожелтеют берёзы, упадут листья, умрёт мошка, подует холодный ветер, приползут туманы с Великого льда. Тогда вернуться хуммы, и горбы их будут ещё выше, чем теперь. Чернобурые будут тогда их сторожить. Они расскажут обо всём Красным Лисицам и станут вместе ловить горбатых хуммов.

Чернобурые рассказали, как они выследили стадо оленей. Они ходят за ними уже много дней. Когда удастся погнать их к загону, Красные Лисицы помогут им окружить рогатых зверей.

За едой и разговорами незаметно спустился сумрак. Вверху зажигались звёзды. Лагерь начал готовиться к ночлегу. На всякий случай зажгли костры. Люди расположились на земле, и огонь охранял их сон от зверей и от злых взглядов, которые приносит ветер.

Усталые люди крепко уснули, подложив под голову по охапке мягкой травы. Только двое сторожевых остались сидеть у костра. Чтобы не уснуть, они тихонько переговаривались между собой. По временам они подкидывали в огонь заготовленные пучки валежника. Долго не спал также Ао.

Он сидел, охватив руками колени и откинув назад свою красивую голову. Ао прислушивался к затаённым шорохам ночи.

После всех приключений и испытаний этого дня ему не спалось, и он думал о том, что такое эти небесные огоньки.

Ао привык слепо верить тому, что ему рассказывали старшие родичи. Но про небесные огоньки говорили по-разному.

Мать объясняла ему, что там, на небе, живут такие же светляки, как и те, что сияют тёплой летней ночью под кустами в густой траве на опушке леса.

А вот Тупу-Тупу говорит по-иному. По его рассказам, это далёкие костры небесных охотников. Они зажигают их на ночь, когда садятся отдыхать после долгой охоты в широких лугах высокого неба.

И Ао не знал, чему же надо верить.

Утро в посёлке Чернобурых

Летняя ночь накрыла тёмным пологом и посёлок Чернобурых, и соседний лес, и всю долину Каменного оврага, где мирно спали люди в своих землянках. Землянки были вырыты недалеко от края оврага и глядели в него тёмными дырами входов. Ниже выступали каменные глыбы известняков.

Ещё темнее было в лесу, который поднимался за поляной.

Но коротка летняя ночь.

Не успели люди отдохнуть, как с востока показались слабые отсветы новой зари. Свет перекинулся и на правый, высокий берег, где у воды по осыпи тянулись низкие кусты ивняка.

Две серые тени выползли из-под кустов и замерли на месте. Пока они были неподвижны, их трудно было заметить.

Вдруг они двинулись вперёд и тёмными комочками скользнули к самой реке.

Теперь их можно было разглядеть более ясно. Это были два пушистых зверька ростом с небольшую собачку. Дымчатая шёрстка летних шкурок как нельзя лучше скрывала их в сумерках ночи. Осмотревшись хорошенько, они припали к воде и начали жадно лакать горячими узенькими язычками.

Это были песцы, или полярные лисицы. Они водились тогда там, где теперь расстилаются чернозёмные степи. А северные олени попадались у склонов Крымских и Кавказских гор.

Лисички напилась, подняли мордочки, наострили ушки и потянули ноздрями воздух.

Ветер качнул тонкие лозинки и донёс им отдалённый, но терпкий запах человеческих нор. Пахло дымом костров, жжёной костью.

Песцы жадно проглотили набежавшую слюну и, осмотревшись ещё раз, помчались туда, куда призывал их заманчивый запах. Они неслись по берегу плавными скачками, словно пара серых ночных птиц, скользящих бесшумно над самой землёй. Возле устья Каменного оврага песцы остановились и прислушались к журчанию холодного ручейка под сводами ещё не растаявших в овраге снежных сугробов.

Наконец они очутились у пологого спуска и стали взбираться на высокий берег, прямо к землянкам Чернобурых.

Песцы осторожно подкрадывались к посёлку. Люди ещё спали. Но тем сильнее манили к себе песцов вкусные запахи.

На ровной площадке перед входом в землянки было разбросано немало отличной еды. Везде валялись кости. Мясо на них было обглодано, но на многих можно ещё было найти присохшие сухожилия и свежие хрящи. Губчатые части костей, пропитанные костным жиром, были вполне съедобны. Попадались и куски мяса, брошенные в дни изобилия. Возле одной из землянок валялись рыбы внутренности, головы щук и налимов.

Зверьки с удовольствием доедали отбросы человеческой кухни. В предутренней тишине отчётливо слышались чавканье и хруст костей.

Заря разгоралась.

В кустах уже заливались птицы. Над болотом потянулись туманные полосы. Близило утро, и прохладный воздух становился почти морозным.

Вдруг затрещала и отодвинулась заслонка у входа одной из землянок.

Из тёмного отверстия душного жилья высунулась кудрявая голова. За ней показалась тонкая фигура полуголого юноши, почти мальчика, с широким меховым поясом.

Это был Уа, старший сын рыжей Уаммы и самый бойкий из её детей. Уа выполз на четвереньках из чёрной дыры и осмотрелся.

– Фью! – свистнул он на песцов.

Они отбежали на несколько шагов и с любопытством уставились на человека. Он свистнул ещё раз, но песцы остались на месте и продолжали его разглядывать. Тогда ему сделалось страшно.

«Может быть, это оборотни? Может быть, это колдуньи из враждебного племени Лесных Сов? Отчего они так пристально смотрят? Может быть, они хотят послать несчастье недобрым вражеским глазом?»

Уа глядел на них со страхом. Лицо его вытянулось. Он уже начал пятиться назад к землянке, как вдруг взгляд его упал на кучку белых камней, аккуратно уложенных направо от входа. Уа вспомнил, что это наговорные камни: над ними долго шептала сама седая Каху, Мать матерей Чернобурых. Каждый из них был помечен чёрным углём.

Теперь Уа знал, что надо делать. Если кинуть в оборотня наговорным камнем, от оборотня пойдёт дым.

Уа схватил один из волшебных камней и метко швырнул им в лисичек. Песцы взвизгнули и опрометью бросились в кусты.

В землянке Уаммы

Уа был высок и строен.

Если бы его спросили, сколько ему лет, он даже не понял бы вопроса. Во-первых, он почти не умел считать. Если он хотел рассказать, что видел четырёх зайцев,

он загибал на руке четыре пальца. Всякое число больше пяти называл просто «хао», то есть много. Да и во всём посёлке Чернобурых никому и в голову не приходило считать года. Важнее было вот что: на верхней губе у него уже показался рыжий пушок, а голос начал грубеть и ломаться. В последний год он сильно вырос.

Отрочество Уа подходило к концу. Уже давно с нетерпением дожидался он того дня, когда взрослые дадут ему в руки боевое копье, примут в число охотников. Его станут брать с собой на поиски оленей, на охоту за зубрами, носорогами, а может быть, и за дикими лошадьми. Правда, ему придется немного пострадать. Он ещё должен выдержать трудное испытание. Но этого он не боялся. Он сам готовился к этому «экзамену зрелости». И не раз он, уйдя в лес, хлестал себя гибкой лозой по голой спине, чтобы уметь, не моргнув, переносить самую острую боль.

Он готов хоть сейчас на какие угодно муки, только бы получить право называться настоящим взрослым охотником.

А пока он ещё мальчик. Он должен жить с сёстрами и младшими братьями в материнской землянке. Там было и душно и жарко. Хижина битком набита женщинами и детьми. Здесь ютятся четыре семьи: семья его матери и трёх её сестёр.

Возле матерей копошится целая куча больших и малых ребят, от длинных подростков до грудных младенцев. Только у самой молоденькой тётки один ребёнок.

Под утро воздух в землянке настолько спёртый, что трудно дышать.

Люди начинают один за другим выползать наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха, освежиться холодной водой.

...Уа вприпрыжку сбежал в овраг и горстью стал черпать ледяную воду, которая, журча, выбегала из-под снега. Несмотря на июньские дни, было почти морозно. С севера тянуло сырым и холодным ветром.

«Старики говорят, – вспомнил он, – в той стороне Великий лёд. Летом из-под него течёт вода. Там родится много ручьёв и потоков. И Большая река вытекает

из ледяных ворот. Только это далеко, очень далеко. Ноги заболят, пока дойдёшь до Великого льда».

Уа остановился возле ручья и задумчиво стал глядеть в ту сторону, откуда мчался сырой и холодный ветер.

- Бррр!..

Уа озяб и, дрожа от холода, прыжками понёсся в гору. Он проворно нырнул в дыру землянки. Воздух проникал в жильё не только через вход, но и через небольшое оконце над дверью. На ночь его обыкновенно затыкали заячьей шкуркой, но утром торопились открыть, чтобы избавиться от духоты.

В землянке царил утренний полумрак. Даже привычный глаз с трудом различал в нём фигуры людей и звериные шкуры, развешанные по стенам. На полу лежали толстые олени мехи, они служили постелями. Жилище внутри походило на внутренность большого шалаша или чума. Коническая крыша посередине была подперта крепким столбом. К земляным стенам жилища прислонён изнутри частокол из еловых жердей. Для прочности их связывали лыками или гибкими прутьями ив.

Все уже проснулись. Матери кормили грудью ребят. Кормили не только рождённых в этом году, но часто двух-и трёхгодовалых. Кормилицам приходилось сейчас очень трудно: уже два дня все люди посёлка жили впроголодь. Запасов пищи не было, дети хныкали и просили есть.

Матери удивлялись, куда пропали охотники-мужчины. Вот уже несколько дней, как они отправились за добычей, и никто ещё не возвращался. Верно, забыли, что их ждут, или охота была неудачной.

Начало лета было тяжёлым временем. Ягод, орехов и грибов ещё не было. Птичьих яиц стало гораздо меньше. Большая часть чикочков - северных оленей - уже откочевала в тундру. Если охотникам не удавалось овладеть какой-нибудь дичью, приходилось питаться кое-как. Женщины собирали поблизости съедобные травы и корешки. Подростки и девушки в поисках пищи уходили далеко от селений. Ходили гурьбой, чтобы не было страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pokrovskiy_serгей/ohotniki-na-mamontov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)